

УДК 903.23(571)

В.И. Соёнов, Н.А. Константинов

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

БРОНЗОВЫЙ СОСУД-КОВШ ДЛЯ САКРАЛЬНЫХ НАПИТКОВ ИЗ ДОЛИНЫ КАДРИНА (Центральный Алтай)*

В научный оборот вводится уникальный бронзовый сосуд-ковш, случайно обнаруженный во 2-й половине 80-х гг. XX в. в долине Кадрина в Онгудайском районе Республики Алтай. Изделие имеет немного расширяющееся от дна к верхней части цилиндрическое тулово, на котором присутствуют трубчатый носик-слив, две вертикально ориентированные петли и основание для горизонтальной ручки. По имеющейся аналогии из закрытого комплекса в Южном Приуралье публикуемый сосуд датируется в рамках 2-й половины IV в. до н.э. – рубежа IV/III вв. до н.э. Авторы статьи считают, что по своим параметрам он полностью соответствует типу ритуальной посуды населения горно-степной части Евразии скифо-сакского времени, изготавливавшейся в Семиречье. В этом сосуде, вероятно, готовились сакральные напитки типа сомы/хаомы, которые употреблялись «пазырыкцами» Алтая как для изменения состояния сознания и достижения транса с целью установления связи между профанным и сакральным мирами, так и для решения задач по искусственной стимуляции организма с целью длительного и стойкого возбуждения нервных центров и мышечной ткани перед битвой или тяжелой работой, а также, возможно, для анестезии, обострения рецепторов и в каких-то других особых случаях. По происхождению кадринский сосуд-ковш мог быть предметом импорта или изделием алтайского мастера по семиреченским образцам.

Ключевые слова: Центральный Алтай, река Кадрин, пазырыкское время, случайная находка, бронза, ритуальный сосуд-ковш, сома/хаома.

DOI: 10.14258/trai(2017)1(17).-05

В Музее археологии Горно-Алтайского государственного университета хранится серия керамических, каменных и металлических изделий из случайных находок, поступивших в фонды при различных обстоятельствах за последние два десятилетия. Некоторые железные изделия, имеющие адрес находки, информацию о находчике и прочие сведения, уже стали объектами рассмотрения в нашей специальной заметке [Константинов, Соёнов, 2016, с. 139–142]. Мы продолжаем работу по публикации случайных находок и в настоящей статье вводим в научный оборот бронзовый сосуд-ковш (рис. 1 и 2), переданный Владимиром Михайловичем Моносовым, учителем истории Национальной гимназии им. В.К. Плакаса (г. Горно-Алтайск). Изделие найдено жителем с. Купчеген Самсоном Дьолдошевичем Моносовым в 1986 или 1987 г. в одном из урочищ долины Кадрина (предположительно Айбаган) в Онгудайском районе Республики Алтай. Река Кадрин является правым притоком Катуни, впадающим ниже с. Малый Яломан. Она берет начало на водоразделе речных систем на границе Онгудайского и Улаганского районов, течет в направлении с востока на запад вдоль Айгулакского хребта. Долина Кадрина представляет собой преимущественно ущелье, заросшее хвойной тайгой. Она практически не затронута современной хозяйственной деятельностью благодаря труднодоступности и отсутствию населенных пунктов.

Описываемый ковш стоял в небольшой скальной нише, или гроте, по мнению находчика, закопченном дымом. Рядом находились фрагменты от развалившегося керамического сосуда (или сосудов?), которые были оставлены на месте. По сведениям В.М. Моно-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (проект госзадания №33.1971.2017/ПЧ «Хозяйственная и социальная адаптация человека к природно-климатическим условиям Алтайских гор во второй половине голоцене»).

сова, в гроте или рядом с ним имелись куски шлака, из-за чего находчик решил, что в этом месте алтайцы в старину выплавляли пули для ружей, а найденный им бронзовый сосуд является льячкой, т.е. ковшом для разливания расплавленного металла. С.Д. Моносов подарил сосуд своему племяннику В.М. Моносову, работавшему в тот период учителем истории в Купчегенской школе, который после своего переезда в середине 90-х гг. XX в. в Горно-Алтайск передал изделие одному из авторов настоящей статьи.

Публикуемый бронзовый сосуд-ковш обладает цилиндрическим туловом с выступающими наружу краями основания и устья (см. рис. 1 и 2). Деформированное тулово немного расширяется от дна к верхней части. Устье слегка скошено в одну сторону, по верхнему краю наблюдается несколько поперечных трещин (рис. 1.-3; 2.-2). На изделии имеются отлитый вместе с туловом трубчатый носик-слив с деформированным концом, а также две припаянные, вертикально ориентированные петли и глухой отросток – основание для горизонтальной ручки, расположенный почти перпендикулярно носику-сливу. На верхней стороне отростка присутствует небольшая выемка,

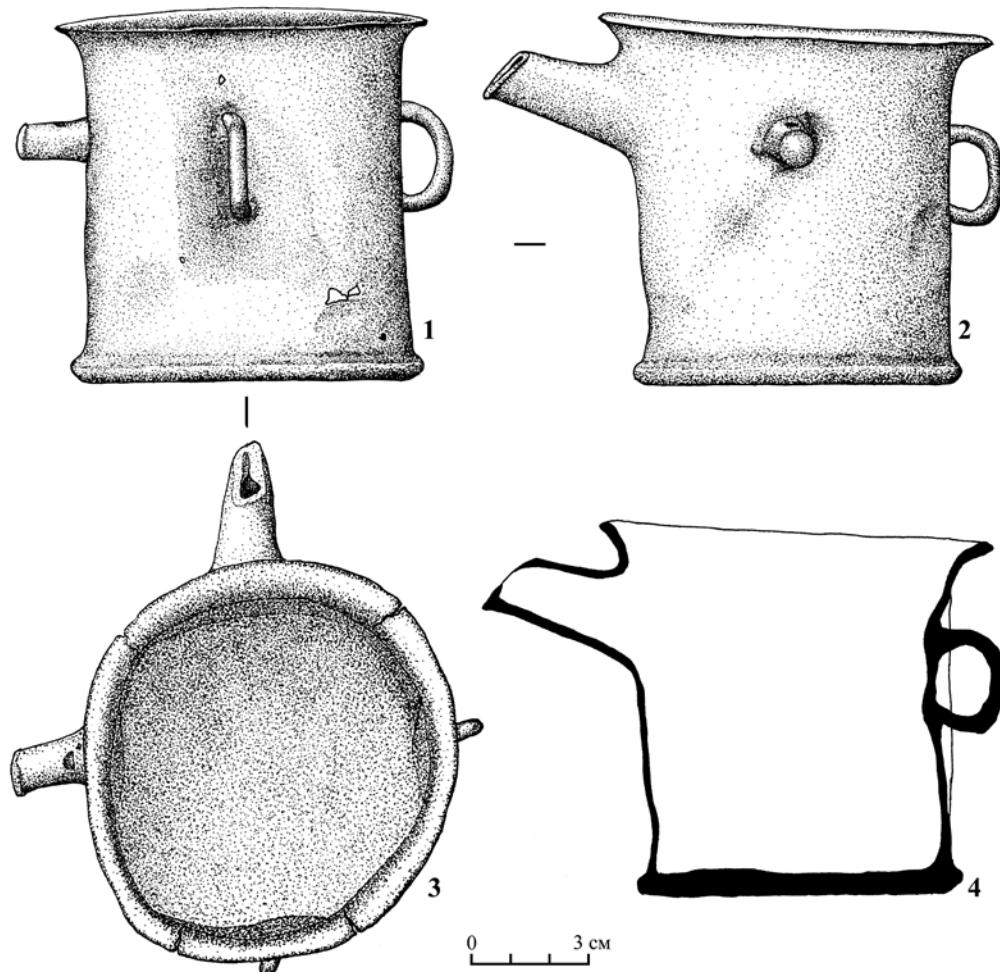

Рис. 1. Прорисовка бронзового сосуда-ковша из долины Кадрина (Центральный Алтай)

Рис. 2. Фотоснимки бронзового сосуда-ковша из долины Кадрина (Центральный Алтай) служившая, несомненно, для фиксации съемной ручки (рис. 1.-3). Слегка выпуклое дно массивное и значительно толще стенок сосуда, которые имеют неравномерную толщину, из-за чего на тулово образовалось несколько сквозных отверстий (рис. 1.-1; 2.-1, 3). Размеры сосуда-ковша: максимальная высота (в районе носика-слива) – 9,5 см; минимальная (у одной из петель напротив носика-слива) – 8,9 см; диаметр устья по внешнему краю – 10,3 см; по внутреннему – 8,3 см; диаметр дна по внешнему краю основания – 8,8 см; толщина дна составляет около 0,5 см. Цвет поверхности сосуда – от темно-зеленого (почти черного) до рыжего с пятнами окислов различных оттенков зеленого тона из-за неудачной попытки химической очистки поверхности (см. рис. 2). Устье сосуда, не подвергшееся химическому воздействию, местами имеет неокисленные участки металлической поверхности золотисто-бронзового цвета.

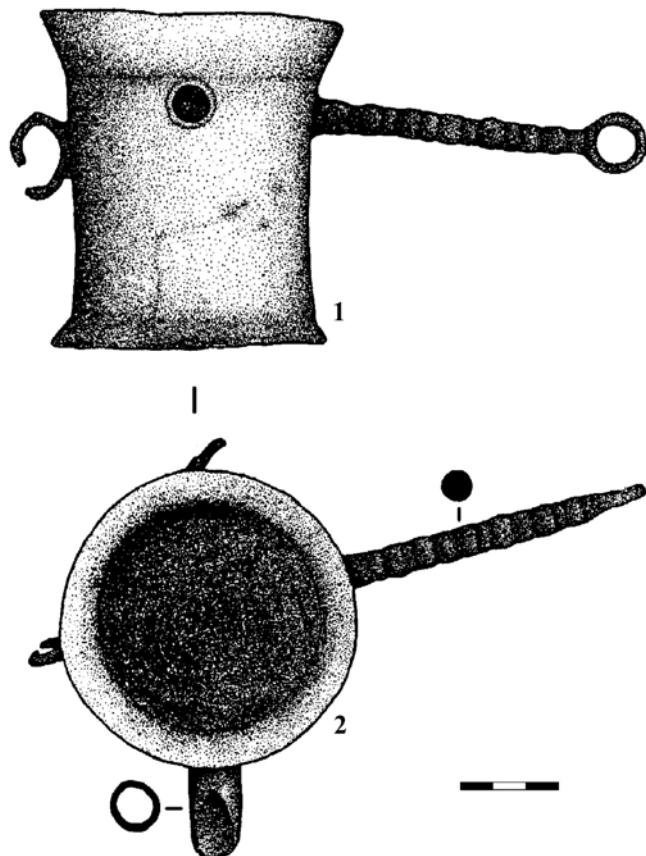

Рис. 3. Аналогия бронзовому сосуду-ковшу из долины Кадрина. Одиночный курган Яковлевка-II. Погребение №5 (по: [Сиротин, Трейстер, 2014, рис. 4])

Рис. 4. Аналогия бронзовому сосуду-ковшу из долины Кадрина. Алматы. Случайная находка. Центральный Государственный музей Республики Казахстан [Сосуд ритуальный, электр. ресурс]

Мы не исключаем, что сосуд первоначально был найден и переиспользован алтайцами в позднем средневековье – этнографическом времени. Об этом в некоторой степени свидетельствуют условия обнаружения, на которые обратил внимание наблюдательный находчик. Возможно, именно переиспользование в качестве ковшика для разливания расплавленного металла привело к деформации туловища и конца носика-слива, а также к образованию трещин на устье и сквозных отверстий в стенках. Это могли быть только легкоплавкие металлы, температура плавления которых ниже, чем у бронзы (например, сплавы на основе свинца, олова, цинка и т.д.).

Публикуемый сосуд-ковш, можно сказать, уникален. Совершенно идентичных изделий нам пока не известно, однако в некоторых регионах Евразии представлены похожие сосуды, которые уверенно можно привлечь для аналогий. Наиболее близки к нашему изделию две находки, одна из которых зафиксирована при раскопках могилы, а вторая выявлена случайно.

Изделие из закрытого комплекса найдено в 2009 г. у женского (?) костяка во II (южной) камере погребения №5 катакомбного типа одиночного кургана Яковлевка-II, расположенного в Южном Приуралье (Башкортостан) [Сиротин, Трейстер, 2014, с. 207–217]. По описанию авторов раскопок, это массивный литой бронзовый сосуд, плоскодонный, с цилиндрическим туловом, расширяющимся в донной части и по верхнему краю, с носиком в виде горизонтальной трубки овального сечения, отлитым вместе с туловом и расположенным в верхней его трети. К тулову сосуда припаяны расположенная в горизонтальной плоскости на уровне носика ручка и две вертикальные петли овальной формы с разомкнутыми концами, одна из которых расположена практически на уровне носика на противоположной от него стороне, а вторая – несколько ниже первой, почти в центральной части туловища, на стороне, противоположной боковой ручке. Размеры изделия не указаны, но, судя по масштабу на рисунке 3, он сравним по размерам и пропорциям с алтайским кадринским сосудом. Таким образом, яковлевский сосуд принципиально отличается от публикуемого нами изделия только несъемностью ручки. На основании конструктивных особенностей и найденного инвентаря хронологическая позиция погребения катакомбного типа одиночного кургана Яковлевка-II определяется авторами раскопок «...в пределах второй половины IV, не позднее рубежа IV–III вв. до н.э.» [Сиротин, Трейстер, 2014, с. 209].

Второй аналогичный сосуд-ковш случайно найден в 1952 г. в г. Алматы [Тасмагамбетов, 2003, с. 273]. Сейчас он экспонируется в Центральном Государственном музее Республики Казахстан. Изделие имеет биконическую форму, асимметричное устье и слегка выпуклое дно. Размеры: диаметр устья – 11,4–11,8 см; диаметр дна – 11,5 см; высота – 11,8 см. Судя по изображению на официальном сайте музея (рис. 4) и описаниям, размеры и пропорции алматинского и кадринского сосудов вполне сопоставимы, хотя первый немного крупнее публикуемого нами изделия. Главное отличие алматинского сосуда заключается в зооморфном оформлении деталей: вертикальные дугообразные петли сделаны в виде скульптурных фигурок бегущего дикого кабана-секача; несъемная, круглая в сечении, длинная гофрированная ручка заканчивается стилизованной головой кабана; носик-слив также оформлен в виде кабаньей головы. Нахodka отнесена к категории ритуальных сосудов и датирована V–III вв. до н.э. [Сосуд ритуальный, электр. ресурс]. После публикации яковлевской находки исследователи его датируют также «...2-й половиной IV в. до н.э., рубежом IV–III вв. до н.э.» [Джумабекова, Базарбаева, Демиденко, 2015, с. 384].

Есть более отдаленные аналогии публикуемому изделию, но мы их здесь не рассматриваем. По нашему мнению, в этом нет надобности, поскольку серия таких сосудов проанализирована в ряде публикаций, например: [Королькова, 2003, с. 28–59; Сиротин, Трейстер, 2014, с. 207–217; Джумабекова, Базарбаева, Демиденко, 2015, с. 381–385; Демиденко, 2016, с. 245–252; и др.]. Кроме этого, она имеет значительные отличия от публикуемого изделия по целому ряду формальных свойств, хотя по части признаков и эпохально, конечно, вполне соответствует.

Таким образом, алтайский сосуд-ковш из долины Кадрина и его аналоги из кургана Яковлевка-II и Алматы относятся к одному типу изделий, поскольку имеют сходство по всем основным признакам: цилиндрическое/биконическое тулово, расширяющееся к верхнему краю или в обе стороны; трубчатый носик-слив; две ручки-петли; одна горизонтальная ручка, расположенная перпендикулярно носику-сливу. Размеры всех сосудов также свидетельствуют об их близости, максимальное отклонение в параметрах составляет не более 2,2 см, что не имеет принципиального значения, как и наблюдающиеся отличия в декоре. Надежную хронологическую принадлежность для данного типа изделий дает экземпляр, происходящий из закрытого комплекса Яковлевка-II. Поэтому мы можем датировать публикуемое изделие в рамках 2-й половины IV в. до н.э. – рубежа IV/III вв. до н.э., пока не будут сделаны новые находки в комплексах более раннего или позднего периодов.

Если говорить о назначении кадринского сосуда-ковша, то, по нашему мнению, он входит в круг ритуальных сосудов скифо-сакского времени, несмотря на отсутствие зооморфного декора. Учитывая конструктивные особенности сосудов из Яковлевки и Алматы (наличие длинной ручки, плоского дна и носика-слива) и их сходство с формой «...джезвы, в которой варят кофе в песке», С.В. Сиротин и М.Ю. Трейстер [2014, с. 214] предполагают, что они использовались для приготовления горячих напитков на углях или в песке на плоской жаровне. Несмотря на то, что данный тип изделий мог выполнять утилитарную кухонную роль в качестве сосуда для приготовления горячих напитков, с нашей точки зрения, его основное функциональное назначение связано с ритуальной сферой. При этом совершенно необязательно, чтобы ритуальная посуда использовалась исключительно для культовых напитков и принадлежала каким-то представителям жреческого сословия. Сакральные функции не были монопольным правом жреческой касты, границы сферы ритуала в древних и средневековых обществах «...были гораздо шире современного понимания ритуального пространства и культовой практики» [Королькова, 2003, с. 28]. Сосуд, который в обыденной жизни мог выступать как утилитарный предмет, в ритуале «...предстает во всем богатстве своих семантических связей, потому что именно в нем актуализируется мифологическая парадигма». В целом бронзовые сосуды-ковши данного типа отвечают параметрам и критериям ритуальной посуды населения горно-степной части Евразии скифо-сакского времени, наряду с другими типами посуды, такими как чаши, кубки, кружкообразные сосуды, котелки и т.д.

Какие конкретно сакральные напитки готовились в сосудах-ковшах и в каких ритуалах они использовались, пока установить сложно. Есть большая вероятность того, что в этих сосудах готовился культовый напиток типа сомы/хаомы, который широко использовался многими азиатскими народами скифо-сакского времени [Абдуллаев, 2009] и в том числе «пазырыкцами» Алтая. Напиток мог употребляться как для из-

менения состояния сознания и достижения транса с целью установления связи между профанным и сакральным мирами, с духами или предками, так и для решения конкретных утилитарных задач по искусственной стимуляции организма с целью длительного и стойкого возбуждения нервных центров и мышечной ткани перед битвой или тяжелой работой, а также мог использоваться для анестезии или обострения вкусовых, обонятельных, слуховых рецепторов и т.д. Обозначенную нами «утилитарность» задач, естественно, нужно понимать условно, поскольку это соответствует только нынешним представлениям о прагматичности. В древности и средневековье это была культовая сфера, поэтому так или иначе все действия носили характер ритуала, а культовые напитки не могли использоваться в сугубо профанной плоскости.

Пока исследователям не удалось точно определить, какие именно растения или вещества служили основными компонентами культовых напитков населения скифо-сакского времени. Сегодня есть ряд гипотез, которые выдвигают на роль психоактивного и/или галлюциногенного сырья для изготовления «божественного» напитка такие растения, как конопля, опийный мак, эфедра, вереск, белена, молочай, ревень, восточный лотос, а также мухомор или какие-то другие грибы, содержащие психоцибин. Но пока ни одна из версий не получила окончательного подтверждения. Это связано с тем, что единого набора компонентов для культовых напитков, видимо, не существовало, как и не было общего рецепта приготовления и жестко установленного регламента употребления. Поэтому компоненты напитка, скорее всего, зависели от наличия исходного сырьевого материала в разных географических районах, а методы приготовления и практика употребления могли диктоваться конкретными ритуальными действиями.

По мнению исследователей, сосуд из Яковлевки-II является импортным изделием, наряду с другими предметами из этого погребения: кувшиновидным гончарным сосудом, вероятно, изготовленным в мастерской Хорезма; чашей из яйца страуса, возможно, происходящим с Ближнего Востока, Аравийского полуострова или из Месопотамии; раковинами каури, доставленными с теплых тропических морей [Сиротин, Трейстер, 2014, с. 214–215]. Авторы раскопок полагают, что яковлевский сосуд происходит из Жетысу, и он был доставлен по северному ответвлению трансазиатского торгового караванного пути. Данное мнение представляется нам вполне убедительным в контексте семиреченской коллекции бронзовых изделий (в первую очередь, конечно, вышеописанной алматинской находки), а также в связи с тем, что в погребении №4 того же одиночного кургана Яковлевка-II, планиграфически и хронологически очень близкому к погребению №5, найдены следующие изделия: гончарный сосуд дахистанского типа; индийское зеркало; каменные бусины и подвески предположительно индийского или иранского происхождения. Все эти находки свидетельствуют об интенсивных широтных и меридиональных торговых связях регионов задолго до формирования Великого шелкового пути и его ответвлений, благодаря которым на многие сотни и тысячи километров распространялись предметы материальной культуры, идеи и технологии.

Нам пока непонятно происхождение кадринского сосуда-ковша: был ли он предметом импорта или изделием местного мастера по семиреченским образцам? Конечно, не исключены и другие варианты, например, сосуд мог изготовить ремесленник другого региона или мигрант из Средней Азии. Но в любом случае его морфологическое и функциональное сходства свидетельствуют о непосредственной или опосредован-

ной связи «пазырыкцев» со среднеазиатским населением. Это вполне согласуется со многими другими алтайскими находками предметов материальной культуры в курганах V–III вв. до н.э., имеющими параллели в искусстве и технологиях Передней и Средней Азии (см., например: [Руденко, 1961, с. 39–61; и др.]).

Таким образом, на основании интерпретации аналогии из закрытого комплекса Яковлевка-II в Южном Приуралье алтайский сосуд датируется в рамках 2-й половины IV в. до н.э. – рубежа IV/III вв. до н.э. На наш взгляд, по всем своим параметрам изделие полностью соответствует типу ритуальной посуды населения горно-степной части Евразии скифо-сакского времени, изготавливавшемуся в Семиречье. Кадринский экземпляр еще раз подтверждает близость мировоззрения и контакты древнего населения Южной Сибири, Жетысу и Южного Приуралья в период раннего железного века [Демиденко, 2016, с. 251]. В сосуде, вероятно, готовились сакральные напитки, которые употреблялись «пазырыкцами» Алтая для изменения состояния сознания, для искусственной стимуляции организма и в других особых случаях. По происхождению публикуемый сосуд-ковш мог быть предметом импорта или изделием алтайского мастера по семиреченским образцам.

Библиографический список

Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд : Международный институт центральноазиатских исследований, 2009. 120 с.

Демиденко С.В. Об одной из групп бронзовых сосудов ранних кочевников Евразии // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 245–252.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Демиденко С.В. Ритуальный сосуд с зооморфным декором из Жетысу // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 381–385.

Константинов Н.А., Соёнов В.И. Случайные находки железных предметов (из фондов Музея археологии ГАГУ) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 139–142.

Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // Археологический сборник. №36. СПб. : Государственный Эрмитаж, 2003. С. 28–59.

Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н.э.). М. : Изд-во Восточной литературы, 1961. 68 с.

Сиротин С.В., Трейстер М.Ю. Погребение с ближневосточными(?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка-II // Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14: Сарматы и внешний мир. С. 207–217.

Сосуд ритуальный [Электронный ресурс] // Культовая бронза. Коллекции. Центральный Государственный музей Республики Казахстан. URL: http://www.heritagenet.unesco.kz/kz/participant/museum/csmrk/rus_old/rsosud.htm (дата обращения: 24.01.2017).

Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы : Берел, 2003. 336 с.

V.I. Soenov, N.A. Konstantinov BRONZE RITUAL VESSEL FOR SACRED DRINKS FROM THE KADRIN VALLEY (Central Altai)

The article introduces into the scientific circulation a unique bronze vessel, accidentally found in the second half of the 1980s in the Kadrin Valley (Ongudai district of the Altai Republic). The finding has a cylindrical body slightly expanding from the bottom to the top which has a tubular spout-plum, two vertically oriented loops and base for horizontal handle. By analogy with the vessel from a closed complex

in the Southern Urals the published vessel is attributed to the second half of the 4th century BC and the borderline of the 4th – 3rd centuries BC.

The authors believe that the vessel from Kadrin fully corresponds to the type of ritual utensils of the Eurasian mountain-steppe zone populations of Scythian-Saka time in the Seven Rivers. The vessel is considered to have been used by the Pazyryk people of Altai for sacred drinks such as soma/haoma. The Pazyric people used the drinks to fall into the altered states of consciousness and achieve a trance in order to establish communication between the profane and the sacred worlds, and to meet the challenges of artificial stimulation of the body for the purpose of long-term and persistent excitation nerve centers and muscle tissue before the battle and hard work, and perhaps also for anesthesia and increase in sensitivity of the receptors, and in some other special cases. The origin of the Kadrin vessel is not well established; it could be imported or made by the Altai craftsmen by the Seven Rivers sample.

Key words: Central Altai, Kadrin valley, Pazyryk time, bronze, ritual vessel ladle, soma/haoma.

References

- Abdullaev K. Kul't khaomy v drevney Tsentral'noy Azii [The Cult of Haoma in Ancient Central Asia]. Samarkand : Mezhdunarodnyy Institut tsentral'noaziatskikh issledovaniy, 2009. 120 p.
- Demidenko S.V. Ob odnoy iz grupp bronzovykh sosudov rannikh kochevnikov Evrazii [On a Group of Bronze Vessels of the Early Nomads of Eurasia]. Aktual'nye problemy arkheologii Evrazii [Topical problems of the Archaeology of Eurasia]. Almaty : Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 2016. S. 245–252.
- Dzhumabekova G.S., Bazarbaeva G.A., Demidenko S.V. Ritual'nyy sosud s zoomorfnym dekorom iz Zhetysu [The Ritual Vessel with Zoomorphic Ornament from of Zhetysu]. Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Archaeology of Western Siberia and Altai: the Experience of Interdisciplinary Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 381–385.
- Konstantinov N.A., Soenov V.I. Sluchaynye nakhodki zheleznykh predmetov (iz fondov Muzeya arkheologii GAGU) [Random Findings of Iron Objects (from the Funds of the Museum of Archaeology of GASU)]. Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya. Vyp. XXII [The Preservation and Study of Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XXII]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. Pp. 139–142.
- Korol'kova E.F. Ritual'nye chashi s zoomorfnym dekorom v kul'ture rannikh kochevnikov [Ritual Zoomorphic Bowls Decorated in the Culture of Early Nomads]. Arkheologicheskiy sbornik. №36 [Archaeological Collection. №36]. SPb. : Gosudarstvennyy Ermitazh, 2003. Pp. 28–59.
- Rudenko S.I. Iskusstvo Altaya i Peredney Azii (seredina I tysyacheletiya do n.e.) [The Art of Arts and Asia Minor (the Middle of the 1st Millennium BC)]. M. : Izd-vo Vostochnoy literatury, 1961. 68 p.
- Sirotin S.V., Treyster M.Yu. Pogrebenie s blizhnevostochnymi i tsentral'no-aziatskimi importami iz kurgana Yakovlevka-II [Burial with Middle East and Central Asian Imports from the Yakovlevka-II Mound]. Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik. 2014. Vyp. 14: Sarmaty i vneshniy mir [Ufa Archaeological Bulletin. 2014. Issue 14: Sarmatians and the Outside world]. Pp. 207–217.
- Sosud ritual'nyy [Elektronnyy resurs] [The Ritual Vessel [Electronic Resource]. Kul'tovaya bronza. Kollektssi. Tsentral'nyy Gosudarstvennyy muzey Respubliki Kazakhstan [Iconic Bronze. Collections from Central State Museum of Kazakhstan]. URL: http://www.heritagenet.unesco.kz/kz/participant/museum/csmrk/rus_old/rsosud.htm (data obrashcheniya: 24.01.2017).
- Tasmagambetov I. Kentavry Velikoy stepi. Khudozhestvennaya kul'tura drevnikh kochevnikov [Centaur of the Great Steppe. Art Culture of Ancient Nomads]. Almaty : Berel, 2003. 336 p.